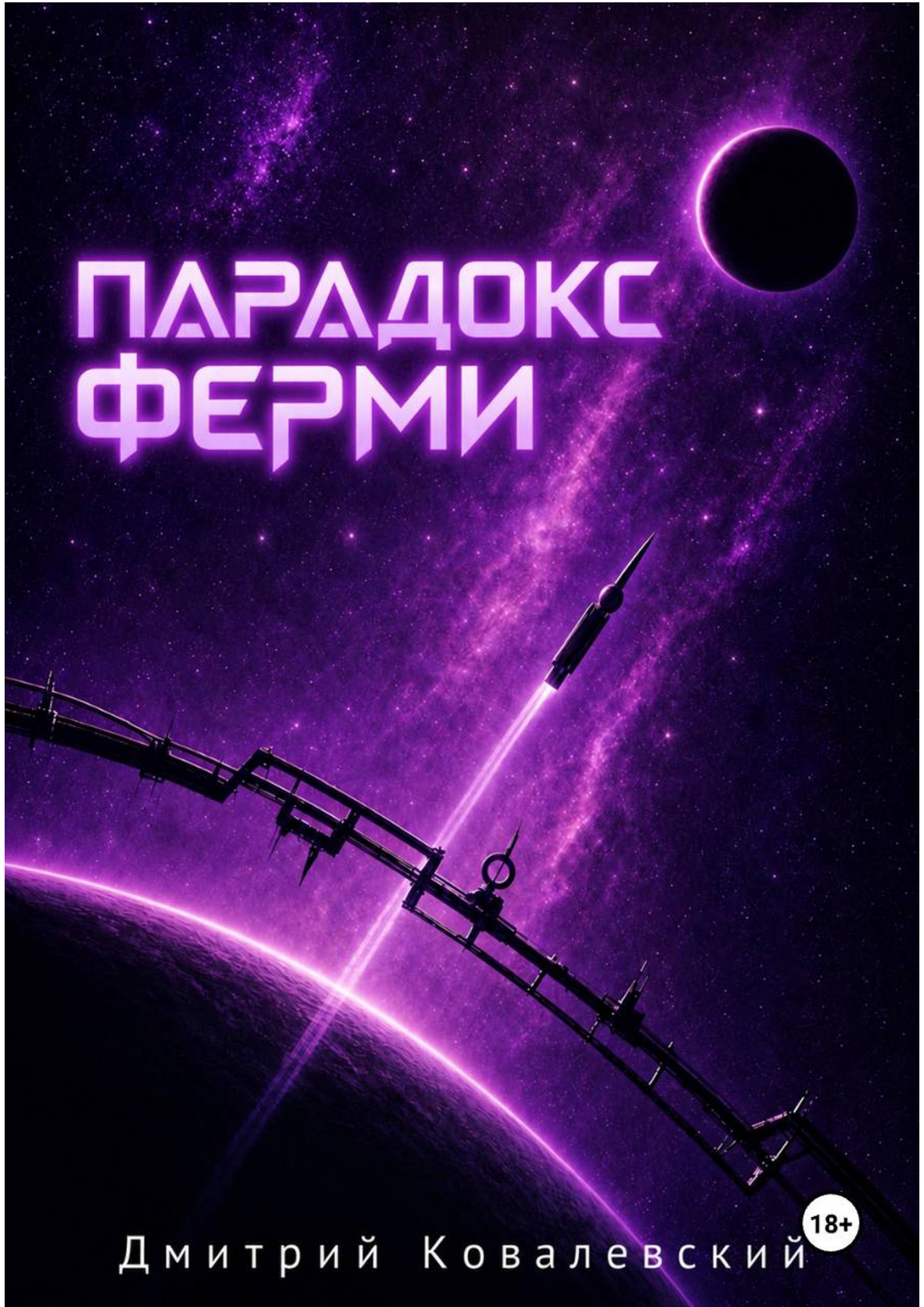

ПАРАДОКС ФЕРМИ

Дмитрий Ковалевский

18+

Дмитрий Ковалевский

Парадокс Ферми

«Автор»

2026

Ковалевский Д.

Парадокс Ферми / Д. Ковалевский — «Автор», 2026

Конец XXI века, Москва, молодой космонавт Андрей Ларин в составе экспедиции «Одиссея-2» одним из первых отправляется в соседнюю солнечную систему. Он надеется осуществить свою мечту — первым встретить внеземной разум. Однако с самого начала миссия идёт не по плану: звездолёт лишается связи с Землёй, одна из членов экипажа оказывается ранена, а на борту обнаруживается младенец, который слишком быстро растёт и, похоже, обладает сверхъестественными способностями. Под обложкой вы найдёте светлый образ будущего, романтические пейзажи космоса, рискованные приключения, уютные философские беседы и ответ на вопрос, волнующий всё человечество — одни ли мы во Вселенной?

© Ковалевский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие — Пролог	6
Глава I «Билет до орбиты»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Парадокс Ферми

ПАРАДОКС ФЕРМИ

Дмитрий Ковалевский

Предисловие — Пролог

Это было в Абхазии. Платформа на несколько коротких мгновений зависла над невыразимо красивыми альпийскими лугами, а затем мягко поплыла дальше, на восток — туда, откуда дул прохладный летний ветерок. В пяти сотнях метров под ними, подобно барханам, вырастали склоны гор. Они были шелковистыми, как кошачья спина; тут и там среди травы встречались россыпи белых и сиреневых цветов — должно быть, одуванчики, звездчатка или незабудки. Сложно было отсюда различить.

Одно из нагорий кончалось плато, и за краем утёса скала резко уходила вниз, удваивая расстояние от нас до земли. Платформа, конечно, полетела над пропастью, и у Гриши перехватило дыхание. Вообще-то, он не боялся высоты, но так совпало, что в ту же минуту на них обрушился порыв ветра. Ничего серьёзного, только исходивший из термоса пар снесло, но Гриша подумал вдруг о том, что бортики их парящей платформы не слишком высоки, и при должном старании через них-таки можно перевалиться. Заметив его смятение, Павел Игоревич улыбнулся.

Извилистая горная речка ниспадала в ущелье бледно-голубым водопадом, и дальше посреди камней пробивала себе дорогу к Чёрному морю.

— Ты веришь в инопланетян? — спросил Павел влоб.

— Право тебе, это же не Господь Бог, чтобы в него верить, — растерялся Гриша. — Задай вопрос иначе.

— Веришь ли ты, Гриша, что мы во Вселенной не одни? — Не отступал его приятель.

Плотно прижимая свои седеющие усы к кружке, Павел Игоревич попил чай. Гриша не помнил, как разговор их сошёл к поиску внеземного разума. Начинали они, кажется, с того, несёт ли опасность экологии африканского континента перспектива проложить вдоль материка канал. Но, как это бывает в хорошей компании, мысль их улетела в далёкие дали.

— Я в этом смысле скептик, — ответил Гриша честно. — До сих пор мы так и не нашли подтверждений тому, что за пределами Земли есть хоть кто-то.

— Ты знаешь, что скептицизмом часто называют обыкновенное занудство?

Занудой Гришу называли достаточно часто, чтобы на это не обижаться.

— Поражаюсь тебе, Павел, — сказал он. — Ты рассуждаешь над совершенно научными вопросами так, будто это философская концепция.

Между прочим, Павел Игоревич действительно был философом. И потому единственным местом, где ему дали работу, стал университет. Павел Игоревич этим страшно гордился и всячески старался соответствовать образу преподавателя: он носил костюм-двойку серого цвета, тщательно зализывал волосы на левую сторону и даже отрастил под носом щётку, как Ницше.

— Парадокс, — заметил Гриша. — И у него даже есть название. Может, ты слышал — «Парадокс великого молчания». Был такой итальянский физик, Энрико Ферми. Так вот, он первым задал вопрос: как же так? Мы шлём в космос сигналы. Откуда там, из Крыма, Полинезии. В Америке стоит тарелка. Кричим: «Эй, инопланетяне, мы здесь! Прилетайте к нам, а то мы к вам не можем, крылья малы». Вселенная огромна, и даже в нашей галактике существуют сотни экзопланет, похожих на Землю. По всем признакам, у нас должны быть соседи. Однако в эфире глухо. Нам никто не отвечает. Парадокс. Парадокс Ферми.

Павел Игоревич, хотя и был человеком незаурядной эрудиции, от астрономии и космологии оставался далёк. И вопрос свой он задал из любопытства, как философ. Грише подумалось, что подробный ответ утомит его собеседника, но Павел напротив, похоже, заинтересовался.

— Но разве не может быть такого, что жители других планет просто ещё не добрались до нас? У них нет нужных технологий или, может быть, они есть — просто летят пришельцы

не туда, куда нужно. Мы ведь тоже едва выползли за пределы Солнечной системы и считаем себя чрезвычайно развитой цивилизацией.

— Хотя имеем для этого не так много оснований, — дополнил Павла Гриша. — И это один из вариантов разрешения парадокса великого молчания. Другая гипотеза называется «гипотезой зоопарка». Мы, мол, земляне, развиваемся своим чередом. А инопланетяне наблюдают за нами, но не вмешиваются, чтобы не нарушить хрупкий баланс биосферы. Земля для них — что-то вроде заповедника.

— Да, — обрадовался Павел. — Я читал похожую книгу. Старую. Про планету, на которой царило средневековье, а земные учёные со стороны смотрели, как и куда движется цивилизация.

Гриша взглянул на небо — его понемногу заволакивали облака, будто отрезая их от космоса и возвращая во тьму веков. Серым ребристым силуэтом отсюда было видно Кольцо. Вдруг небосвод будто ткнули иголкой и в месте укола что-то очень ярко вспыхнуло розовым. Кто-то прибыл издалека.

— А третья теория, — продолжил Гриша, всё так же глядя вверх. — Это гипотеза «тёмного леса». О том, что все разумные цивилизации хранят молчание, чтобы не навлечь на себя беду. Пока мы, как ненормальные, жжём костры посреди джунглей и вопим, не подозревая, какие хищники нас окружают. Мне, правда, кажется, что любая цивилизация, чей прогресс позволил ей совершить межзвёздный перелёт, априори должна уже пройти этап воинственности и исповедовать гуманизм, тем более к инопланетным расам.

— Совсем нет, — замотал головой Павел Игоревич. — А если мы положим, что пришельцам так повезло с планетой, что у них произрастает какое-нибудь, скажем, дерево, которое способно преодолевать десятки световых лет за минуту. Сел на него и — вперёд. И никаких миллионов лет эволюции не нужно. Всякое ведь может быть во Вселенной. Представь, чтобы римляне оседлали деревья и отправились в космос. Каких бы они дел там наворотили!

Гриша даже рассмеялся, представив себе легионеров, бороздящих просторы галактики верхом на кипарисе. Природа Абхазии определённо его вдохновляла. Павел порой рассуждал, как ребёнок. Однако правда в том, что истины они не знают. Разгадки парадокса Ферми, сформулированного больше двух веков назад, до сих пор нет. Быть может, все гипотезы верны, а может дело обстоять и так, что не верна ни одна. Не исключено, что мы действительно уникальны, и других разумных существ во Вселенной просто нет. С каждым годом неудачные попытки найти жизнь на экзопланетах всё ближе подвели Гришу к этому убеждению. И несмотря на всю несуразность выдвинутого его другом предположения, совсем не исключено, что в один день к нам действительно явятся бронированные пришельцы верхом на здоровом каштане. Наша физика такую вероятность не допускает — но у них может найтись своя.

Своим умозаключением Гриша поделился с Павлом, и тот многозначительно кивнул и допил чай. Тем временем платформа завершила путь над ущельем и вернулась к пологим склонам. Один из них, тот, что был слева, поднимался высоко, и его вершина почти сравнялась с платформой. На горизонте в дымке таяло море. Погода потихоньку портилась. На бортике замигал и запищал красный огонёк; это значило, что маршрут завершён. У причала в Гагре ждала следующая группа, и платформа медленно поползла назад другим путём. Гриша обрадовался тому, что не придётся снова лететь над расселиной. И всё-таки ему не давала покоя мысль о том, что человек сумел так много, но так мало узнал. Подумать только: мы парим, словно птицы, в сотнях метров над землёй, а над головой у нас огромный искусственный пояс нашей планеты. А мы так и не умеем ответить на главный вопрос цивилизации — есть ли в мире нам подобные? С другой стороны, телескопы не всесильны и не дают нам точной картины того, как устроена та или иная планета. А сами мы вот только-только смогли воочию увидеть край другой системы.

— Ладно, мы с тобой, по сути дела, пустословим, — сказал он Павлу. — Всё гадаем. Со дня на день вернётся «Странник», и мир станет чуть понятнее.

— Едва ли, думаю, — вздохнул Павел Игоревич.

Гриша промолчал. «Странника» ждала без преувеличения вся планета. Никто не знал, какие вести или находки он принесёт. Но экспедиция совершенно точно возвращалась.

— А Она знает, — бросил Павел словно бы невзначай.

— Кто «она»?

— Не отвечу. Потому что сам без понятия, — хитро заулыбался Павел. — Но я уверен, что Знающая, кем бы она ни была, — обязательно женщина. Женщины, особенно матери, вообще знают больше, чем можно себе вообразить. Это если не сказать — всё. Так что, если есть в мире кто-то, кому известны ответы на все вопросы, это, безусловно, женщина. Такова моя философская концепция.

Что же, с философскими концепциями спорить себе дороже.

Глава I «Билет до орбиты»

Ура! Я был запредельно счастлив. Очень редко бывает такое, чтобы новости в понедельник утром радовали. Особенно того, кто встал ни свет, ни заря, проспав четыре часа, два из которых он ворочался, борясь с бессонницей. Глаза мои слипались, и я почти ничего не видел. Но, сбросив сонную одурь, одним рывком вскочил с постели и в два прыжка добрался до умывальника.

Какая удача! Это, конечно, удручающее известие, но только не для меня.

Холодная вода быстро привела меня в чувства. Было мрачно и прохладно. Я включил свет. Он нарисовал на стене чёрный квадрат окна, за которым темнело морозное январское утро. Мне бы ещё пару часиков можно было и полежать, но это предприятие было обречено на провал. Целую ночь мне не давало покоя ожидание «Странника». Точное время посадки определить не могли, и все каналы наперебой сыпали молниями: вот «Странник» пошёл на стыковку, а вот — и нет, его пока только наблюдают с Кольца.

На этих качелях общественность катали весь вечер, и я решил просто уснуть, а по пробуждению узнать, с чем вернулись первопроходцы. Ха, как это было наивно! Вместо этого я переворачивался с одного бока на другой и вертел подушку в поисках самой мягкой стороны, прокручивая варианты развития событий.

Да — они вернулись ни с чем. В сети уже болтались две фотографии. На одной капитан Лекомцев и старший помощник Вега спускались по трапу. Лица у них были довольные. Наверное, от того, что встречала их такая толпа. Снимок был пользовательский, сделанный издалека. Зону посадки оградили, и вокруг «Странника» не было никого, кроме нескольких полицейских и ещё двух человек в фуражках и парадной форме. Они стояли спиной, так что различить их я сперва не смог.

Вторую фотографию сделал ТАСС, и она была куда качественнее первой. Теперь людей в фуражках было уже трое. Двоих я узнал — это были генерал-полковник ВКС Лурджа и Геннадий Вяточкин, директор то ли Северо-Западного, то ли Пятого космодрома. Последним был уса́тый мужчина с обвисшими, как перезревшие груши, щеками. Вид у него был уставший, но он вместе со всеми приветствовал астронавтов, приложив руку к козырьку. Наверное, это был какой-нибудь главный консул Земли, назначенный на случай контакта с космическими цивилизациями. Если так, должно быть, он предвидел скорое упразднение занимаемой должности и мёрз в своих синих брюках. Ведь команда Лекомцева не то, что инопланетян не привезла — она даже высадиться на Пенелопу, крайнюю планету ближайшей к нам системы Калипсо, не смогла. Тем не менее, все четверо астронавтов держались уверенно, проходя мимо встречающих, а сам капитан козырял Лурдже.

Как славно сошлись звёзды! Мой шанс, грандиозный шанс, думал я, прыгая по спальне в одном носке и пытаясь натянуть второй. Ларсик смотрел на меня из-за дверного проёма, словно санитар на душевнобольного. Во взгляде его читалось отчаянное принятие в смеси с глубоким природным безразличием к моим выходкам. Этим Ларсик меня часто обижал, но ему было всё равно.

Наконец одевшись, я выбежал в коридор. В животе урчало, но я успокоил себя тем, что обернусь к полудню и устрою поздний завтрак. Вот Ларса бы покормить. Однако дверь в квартиру я уже запер, а возвращаться и тратить лишнее время мне не хотелось. За несколько часов с голоду не умрёт — заключил я и помчался к лифту, по пути выронив из кармана шапку. Подъезд был застеклённым, и на бегу я увидел, что на улице летает скучное снежное крошево. Я помучил кнопку, но лифт не открылся сразу же, а щелкнул и поехал ко мне с характерным звуком. Плюнув на него, я спустился по лестнице, коль скоро жил на четвёртом этаже.

Я оказался прав, первый снег в этот раз сильно запоздал, и теперь неспешно посыпал улицу. Квартал был спальный, так что вывесок тут было немного. Некоторые из них горели, будто маяки для полуночников. Только без хранителей — в такую рань работал, должно быть, только круглосуточный гастроном. Людей вокруг не было, издали доносился негромкий гул магистралей — жаворонки спешили на работу. Продуктовый действительно был открыт, за прилавком сидела милая продавщица с бронзовыми ногами — скрючившись, она паялилась в телефон. Наверное, смена подходила к концу. Тут я вспомнил, что тороплюсь.

Не совсем, правда, понятно, зачем. На разбор полётов «Странника», да на учреждение новой экспедиции уйдет по меньшей мере полгода. Пусть она и была уже номинально распланирована. Тем не менее, мне положительно казалось, что если я тем же утром не примчусь к Королёву, то встану в конец длинной очереди из желающих возглавить новую миссию. А я не за этим все последние месяцы таскался за ним по пятам и упрашивал взять меня на карандаш в списке экипажа «Одиссеи-2», если той дадут зелёный свет. Королёв соглашался то безучастно, то с раздражением, когда я сильно доставал его или приходил не вовремя, а иногда вполне дружелюбно. Я делал всё для того, чтобы он точно меня запомнил. «Андрей Ларин. Лучше запишите фамилию. И что, что знаете? Что с того, что преподавали у нас? Пожалуйста. Ларин». И всё-таки у него сейчас забот полон рот. Наверняка забыл.

Манипулятор поднял мою «Стрелу» со стоянки, я запрыгнул в кабину и включил автопилот до ближайшей станции шаттлов. Машина сама выехала по парковочной рельсе на магистраль, набрала скорость в 150 км/ч и помчалась по полупустой трассе. Мой дом быстро исчез позади, а трасса поднялась над дремлющим городом. Я знал, что вид отсюда открывается красивый — на посыпанные первым снегом крыши, мигающее вдали колесо обозрения и тихую рябь Москвы-реки. На неё я посмотрелся ещё на прошлой неделе, а сейчас был чрезвычайно увлечён новостями, так что откинулся в водительском кресле и стал листать ленту.

Утром понедельника, как я успел заметить, редакции дремлют. Только пара каналов ночью следила за прибытием корабля, пока их конкуренты отписались о том, что «Странник» состыковался с Кольцом, и крепко заснули до тех пор, пока не появятся подробности. Пока было ясно, что экспедиция даже не смогла высадиться на Пенелопу, хотя предполагалось, что космонавты соберут грунт — зелени на Пенелопе быть не могло, — поставят флаг, сделают снимки и скан рельефа.

Корабль пробыл вдали от дома без малого полгода, и большую часть этого времени с ним не было связи из-за помех туманности Быка. А вернулся, строго говоря, ни с чем.

Я всё-таки взглянул в окно. Сердце уже не так колотилось, всё устаканилось. Я двигался к цели. Мысли стали играть в догонялки и, когда трасса вновь нырнула в тёмный канал под улицей, я решил, что до следующего отлёта должен найти подружку.

Мне искренне казалось, что профессия моя героическая, а сам я не лишён романтики. И хорошо, когда из очередного путешествия тебя кто-то ждёт. Почему-то я был уверен, что от желающих нести это бремя не будет отбоя. Но в любви мне не везло, так что я начал подозревать, что смотрю на положение дел однобоко. Романтика — она в космосе, а ожидание на Земле — скучно. Просто с моего холма этого не видно.

У станции я взял парковочный талон, пообещав себе вернуться быстро, чтобы много не набежало. В зале ожидания было человек, может быть, пятнадцать. И все вместе они занимали только треть металлических скамеек с круглыми дырками на спинках. На табло я не посмотрел, а сразу подошёл к кассе. Женщина по ту сторону стекла тут же грубовато объяснила мне, что это было ошибкой. Что ближайший рейс на Кольцо через полчаса, и что я и сам мог бы об этом узнать, если бы поднял глаза на экран. Шаттла у них, видимо, было два и успей я на четверть часа раньше, попал бы на первый рейс.

Делать было нечего, поэтому я присел на свободное место рядом с дородной женщиной, на голове которой я отчётливо различил биопарик. При том совершенно безвкусный — рыжий

и кучерявый, хотя повсем признакам ему следовало быть седым. Я стал изучать других пассажиров. Ничего такого, о чём следовало бы упомянуть, в них не было. Женщина-соседка, которая меня как раз не интересовала, однако бросала на меня злобные взгляды, когда я дёргал коленкой. Тогда я прекращал, но это происходило машинально, и я не замечал, когда нога моя снова начинала отстукивать ритм.

Шаттл подошёл, и я снова стал переживать, что кто-нибудь опередит меня, но внешне старался виду не подавать. Пассажиры потянулись ко взлётно-посадочной площадке. Когда я подошёл к выходу, прямо передо мной возникла бабушка в джинсах и коротком белом платье поверх них. Бабушек я про себя подразделял на толстых, тонких и скрюченных, и был твёрдо уверен, что с возрастом каждая девушка примкнёт к той или иной категории. Старушка, что влезла в проход передо мной была скрюченной и жутко нерасторопной. Злиться на неё я не мог, даже несмотря на то, что обе мои попытки её обогнать не увенчались успехом. В первый раз мне помешало заграждение, а во второй — она обернулась и посмотрела на меня такими чистосердечными глазами, что мне сразу стало совестно.

Наконец, я забрался на третий уровень, устроился у окна и включил телефон. Уже половина восьмого. Каких-то полтора часа назад я беспокойно дремал в постели. Нас немного затрясло, и шаттл стал отрываться от земли. Из подзабитых динамиков прозвучали правила безопасности — не курить, не распивать спиртное, не бродить бесцельно и тому подобное — и пожелание приятного перелёта.

Было спокойно. Я стал клевать носом и прислонился лбом к холодному иллюминатору. Бывать на Кольце по работе я начал сравнительно недавно, и в рассветный час подниматься в стратосферу мне ещё не приходилось. Я увидел, как полусфера Земли покрывается настоящими блёстками в свете восходящего солнца. Оно поднималось, как голова великана над планетой, а светящаяся кайма на горизонте напоминала плечи колосса. Космическая чернь плавно перетекала здесь в сиреневый земной рассвет, и этот переход был отсюда прекрасно виден. За горизонт в пекло жёлтого пожара уходила широкая дуга Кольца, на внутреннюю часть которого всегда падала тень.

Когда мы пересекали границу атмосферы, немного потряхивало. Видно, шаттл был стареньким, поскольку в последние пару лет эту проблему, вроде, решили. В новых перевозчиках салон стали отделять от обшивки, помещая в полость десятки управляемых амортизаторов. Получается что-то вроде бочонка, в который набросали пуха и уложили мешок с хрустальной посудой. Если даже такую бочку пустить со склона, чашки не разобьются.

С собой я прихватил рюкзак, в котором со вчерашнего дня остались на треть опустошённая бутылка воды, книга «Три мушкетёра» и карандаш. Какая пропасть лежала между мной и художественной литературой! Но один приятель заверил меня, что я многое теряю, и посоветовал начать с истории Дартаньяна, которую я с трудом грыз уже третью неделю.

На счастье, работал кондиционер, иначе тут бы я и кончил от удушья — народу в шаттл набилось прилично, все спешили на работу на Кольцо. Я развернул томик Дюма и уткнулся в страницы. Была же крепкая дружба в семнадцатом веке! Подъём занимал что-то около полутора часа, и я собирался дочитать главу. Но мужчина, сидевший слева и выглядевший в своей застёгнутой на все пуговицы рубашке человеком приличным, вопреки своему образу совершенно бескультурно косился в мою книгу. Я постоянно отвлекался, ловя его взгляд, и в конце концов, оставил эту идею и снова принялся смотреть в окно и считать звёзды.

На сто сорок шестой или сто пятидесятой мне надоело, к тому же, мы прибывали. Шаттл вошёл в разъём стыковочной платформы, его остановили магнитные блокираторы. Затем механизм провернулся, закрыв паз, и загерметизировал отсек. Здесь, в стыковочных зонах, толщина Кольца минимальная. От открытого космоса меня отделяло не больше пятидесяти метров обшивки и электроники.

Пассажиры засуетились, собираясь, а я решил дожидаться, пока толкучка кончится. Перелёты с Земли на Кольцо и обратно за последний десяток лет стали значительно доступнее, особенно если учесть характер таких путешествий. И финансово, и с точки зрения затрачиваемого времени. Но всё ещё оставались слишком муторными для тех, кому день ото дня приходилось подниматься на орбиту по работе. Если от дома до ближайшей станции, нужно, как мне, проехаться, дорога в один конец могла отнимать по полтора-два часа. А за день на перемещения уходило часа три-четыре. Немыслимо в наш век, когда люди живут быстрее, чем когда-либо, стараются экономить время на обедах и искренне переживают о том, что за сотню лет сутки стали короче на две секунды. Многие из тех, кто отказался от перспектив высоких зарплат в пользу свободного времени, со мной согласятся.

Меня устроиться работать на Кольцо привлекли отнюдь не деньги. Стать космонавтом я хотел с самого детства, когда Кольцо только достроили. Это был период некоторой стагнации космонавтики, как науки, поскольку все усилия учёных, инженеров и проектировщиков сконцентрировались на создании огромной обгибающей планету станции. На двадцать лет человечество забросило изучение Вселенной, заплав общим делом — развернуть прямо на орбите научно-проектное пространство и приблизить тем самым всех исследователей космоса к их страсти территориально.

На Кольце никто не жил. Сутки здесь текли немного иначе из-за того, что станция вращается в 1,23 раза быстрее Земли в противоположном от неё направлении. Так что, о дневных и ночных сменах говорить не приходится. Но достаточно того, что Кольцо никогда не пустует. Всё-таки, искусственная атмосфера станции для длительного пребывания человека не годится, как соевые продукты не способны полностью заменить рацион. Хотя от редких перекусов ничего не будет.

Сюда переехали все лаборатории и институты изучения космоса, тарелки и телескопы, антенны и, разумеется, космодромы. Они — в первую очередь. Запускать звездолёты и спутники с орбиты, где не нужно преодолевать земную гравитацию, намного проще. Это экономит уйму энергии, которую можно пустить на то, чтобы полететь дальше и глубже забраться в пучины Галактики. Короче говоря, мы поднялись поближе к звёздам.

Так на Кольцо попал и я. Чудом закончив космическую Академию с отличием — в пору было выгнать меня оттуда за безалаберность ещё на втором курсе, — я попал по распределению в пятнадцатое звено при Косминституте, чем был страшно доволен. Это одна из лучших экспедиционных групп, в которой, кстати, состоит и Лекомцев. Удача в дополнение к тому, что я сразу присоединился к исследователям, миновав службу в сторожевой авиации. Ко всему прочему, руководитель наш, Илья Максимович Королёв, — очень увлечённый человек. Собственно, ему и принадлежала идея обеих «Одиссеев», и он потратил немало сил, чтобы протолкнуть её. Есть расхожая байка, что Илья Максимович — потомок конструктора Сергея Королёва, собравшего первую космическую ракету. Но вроде, это только слухи, и сам он говорил, что его родственники до седьмого колена были пекарями. Может, привирает.

К нему-то я и спешил. От станции до Косминститута тоже рукой подать, но я решил проехать единственную остановку в общетрансе. По пути я всё жалел о том, что технология телепортации оказалась отбракована законами физики.

В итоге прибыл я за полчаса до открытия, и мне пришлось ждать Королёва в коридоре. Со мной сидели ещё двое мужчин, на которых я смотрел ревностно. Один из них был в синем авиационном комбинезоне. Минут за семь до начала рабочего дня по лестнице поднялся Илья Максимович. Я никогда не спрашивал его, сколько ему лет, но ни за что не дал бы больше шестидесяти. Максимум — шестьдесят пять. От его лба вверх по голове ползла залысина, которую, как лесной залив зимою, окружала лохматая седина.

Нос его был громоздким, от чего лицо Ильи Максимовича делалось грубым, хотя человеком он на самом деле был доброжелательным и суровым лишь в меру.

Он снял куртку, и я ту же подхватил её, словно верный паж. Сработало, профессор обратил на меня внимание. В первое мгновение он удивился, но тут же, видимо, вспомнил все мои домогательства и принял свою судьбу. Я знал, что достал его, и чувствовал, что моя миссия выполнена. Королёв мотнул головой в сторону двери, приглашая меня войти, и я последовал за ним.

Бывать здесь прежде мне уже приходилось. Над письменным столом красного дерева висела карта неба южного полушария, кресло было кожаным, чёрным. У другой стены стоял массивный шкаф с дверцами, как я догадывался, платяной. В окно глядел телескоп на треноге, а на столе кроме моноблока стояли два глобуса — Земли и, поменьше, — Луны. Комната была обставлена даже немного готически, и почти ничего в ней, за исключением жалюзи и пары офисных стульев при входе, не выдавало рабочего кабинета. Один из этих самых стульев я придвинул к столу, повесил на спинку профессорскую куртку и, дождавшись приглашения, сел.

— Ну что, подсел? — шутливо начал Королёв.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.